

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

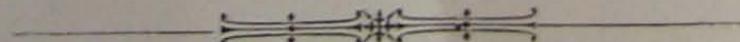
ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского.

Выпускъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Петербургской Газеты. Владими́рский пр., № 12.
1890.

Лопарскія сказки.

3) Оборотень медвѣдь.—(Ергаль Кувдчъ).

На одномъ озерѣ жили Лопарь да Лопка. У нихъ была одна дочь. Осенью однажды, когда озера стали замерзать, Лопарь ушелъ въ тундру къ оленямъ, а старуха съ дочерью остались дома. Вечеромъ онѣ сидѣли въ вежѣ, починали сѣтки и разговаривали. На срединѣ у нихъ горѣлъ огонь, надъ которымъ висѣлъ котель, съ варящейся рыбой. Онѣ бы уже давно и поужинали, но дожидали хозяина. Вдругъ повѣшенная вмѣсто двери постель открылась, и въ вежу зашелъ медвѣдь, весь покрытый льдомъ. Мать съ дочерью испугались. Дочь, сидѣвшая одна по другую сторону огня, перескочила черезъ огонь къ матери. Медвѣдь занялъ ея мѣсто и растянулся противъ огня. Мать съ дочерью сидѣли и смотрѣли на него. Сколько не смотрѣли на него и сколько ни показывали на двери, чтобы онъ вышелъ, но медвѣдь не двигался никуда, а только смотрѣлъ на нихъ и на котель. Хозяинъ не приходилъ между тѣмъ, и имъ было страшно. Наконецъ Лопка заключила, что это не простой медвѣдь, а должно быть оборотень. Она поэтому сняла котель съ огня и стала тянуть рыбу на двѣ кары. Одну кару взяла она себѣ, а другую подала медвѣдю.

Медвѣдь сѣлъ всю рыбу и легъ спать.

Мать съ дочерью только смотрѣли на него, а спать боялись. Боялись подойти къ нему, ожидая, скоро ли будетъ утро, или не придетъ ли хозяинъ.

Медвѣдь всю ночь проспалъ крѣпко и спокойно. Шерсть на немъ уже высохла. Предъ наступленiemъ зари онъ проснулся и посмотрѣлъ на хозяевъ. Смотрѣлъ онъ на нихъ нѣсколько времени наконецъ поклонился и пошелъ изъ вежи. Мать съ дочерью тоже вышли въ слѣдъ за нимъ, чтобы посмотреть, куда онъ пойдетъ. Медвѣдь недалеко отъ нихъ сталъ на заднія лапы, а передними сталъ показывать на озеро, откуда прішелъ вечеромъ. Мать съ дочерью смотрѣли на него и ничего не понимали. Наконецъ медвѣдь всталъ на всѣ ноги и пошелъ въ лѣсъ. Мать съ дочерью радовались, что онъ ушелъ, не сдѣлавъ никакого вреда, и въ тоже время думали: что такое имъ онъ показывалъ. По слѣдамъ его на озеро идти боялись.

Вскорѣ возвратился Лопарь. Ему все рассказали, и онъ задумался. Подумавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ: Вѣроятно у него былъ товарищъ и какъ ледъ еще не крѣпокъ, онъ утонулъ. Пойдемте по слѣдамъ его къ озеру и тогда узнаемъ, на что онъ вамъ указывалъ.

Пришли они на озеро и увидѣли большую прорубь.

Опустили туда карбасъ и увидѣли, что тутъ утонулъ медвѣдь. Стали его доставать и съ большимъ трудомъ вытащили на берегъ. Медвѣдь былъ большой и черный. Положили его на кережу и притянули къ вежѣ. Здѣсь положили его къ огню, чтобы оттаять. Чрезъ нѣсколько времени Лопинъ снялъ съ него шкуру и увидѣлъ, что это былъ не медвѣдь, а человѣкъ оборотень — олмашъ ергаль. Подъ шкурой кругомъ себя у него былъ поясъ — чересь, наполненный серебряными и золотыми деньгами. Лопинъ взялъ его себѣ, купилъ оленей и зажилъ такъ богато, какъ никогда и не думалъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

4) Сказка о Нойдѣ, проводнике оленей.

Жилъ-былъ въ Пазрѣкѣ одинъ Нойда (колдунъ), и ему хотѣлось, чтобы дикие олени были и въ Пазрѣкѣ на Вилемскомъ наволокѣ, *) а ихъ тогда нигдѣ нельзя было найти, какъ только въ Норвегіи. Однажды онъ подобралъ себѣ товарищей и сказалъ имъ: поѣдемъ за добромъ въ Норвегу. Самъ сѣлъ въ карбасъ на корму, а товарищи сѣли на носъ и стали грести, работать веслами. Пріѣхавъ въ Норвегу, они пристали къ берегу. Ну, вы теперь сидите въ карбасѣ, никуда не ходите и дождайтесь меня. Нойда самъ пошелъ на гору и тамъ взялъ оленій рогъ. Пришелъ съ нимъ въ карбасъ, сѣлъ опять на корму и сказалъ: „Если я этимъ рогомъ буду давиться, вы никто ничего не говорите и у меня не отнимайте, а если и задавлюсь, не жалѣйте. Ваше дѣло только грести обратно на Вилемскій наволокъ“. Сдѣлавъ наставленіе, онъ приказалъ ёхать. Самъ рогомъ провелъ изъ Норвегіи къ Вилемскому наволоку и сталъ его грызть—ѣсть. Грызъ и глоталъ рогъ, и дошелъ до того мѣста, где у рога отдѣляется другой, какъ бы вѣтвь. Вотъ въ ротъ-то ему болѣе не входитъ, онъ и показываетъ одною рукою товарищамъ, чтобы кто нибудь пришелъ и отсѣкъ сторонній отростокъ. Этого между тѣмъ никто не понялъ, да и не смѣли подойти. Онъ между тѣмъ на одномъ мѣстѣ у рога все позорился и вложить его въ ротъ ни какъ не могъ. Олени дикие въ это время, какъ птицы, плыли за карбасомъ и въ большомъ количествѣ. Доѣхали до Вилемскаго наволока и пристали къ берегу. Вышелъ Нойда на берегъ и сказалъ товарищамъ: „Никто изъ васъ не догадался отрубить вѣтви отъ рога, и поэтому я всего не могъ сгрызть. Теперь дикие олени придутъ къ намъ только тѣ, которые успѣли до нашего пріѣзда зайти въ море, а остальные останутся въ Норвегіи, да и тѣ, которые пришли, будутъ здѣсь не долго. Рассказчикъ прибавилъ: „вотъ ихъ теперь и нѣтъ“.

Записана со словъ Вас. Летова. Помѣщена была ранѣе въ «Голосѣ» (фельетонъ за 1883 г.).

5) Л е г е н д а .

Въ давнія времена въ Нотозерскомъ погостѣ, недалеко отъ Финляндіи и 60 верстъ отъ г. Колы жила дѣвка-нойда. Разъ утромъ она встала рано и разбудила всѣхъ въ погостѣ. Ее спросили: за чѣмъ ты это дѣлаешь? Вотъ я вамъ, что скажу: Пріготовьте себѣ хлѣба и воды на три дня и изъ тупъ никуда никто не ходите. Скоро начнется для пользы вашей такая буря, что не будетъ видно ничего. Дѣлайте скорѣе такъ, какъ я сказала. Я лягу спать и меня не будите, пока я не встану. Всѣ Лопари такъ и сдѣлали, какъ она велѣла. Сама она легла спать. Едва-едва она заснула, какъ поднялась такая буря и мятель, что нѣтъ возможности это и выразить. Всѣ Лопари даже испугались. Черезъ три дня буря кончилась, и дѣвка — нойда встала. Она опять собрала Лопарей и сказала: возьмите пищали и подите на мохъ (разбойничій). Лопари послушались ея, пошли. Когда пришли туда, то увидѣли много Шветовъ, шедшихъ раззорять погостъ. Большая часть ихъ замерзла, а которые были живы, тѣхъ убили. Такъ нойда и буря спасли отъ смерти и грабежа погостъ.

(Записана со словъ бывшаго Нотозерскаго Лопаря Сергѣя Герасимова).

*) Вилемскій наволокъ находится на устьѣ Пазрѣцкаго залива, на правой сторонѣ.

6) Два брата. (Куихть вилль).

Нѣкогда жили два родные брата—Лопари. Жили они мирно, какъ между собою, такъ и съ другими. Разъ одинъ изъ братьевъ поссорился съ Нойдой—колдуномъ, который и пригрозилъ ему: вспомнишь ты меня. Лопарю отъ этого сдѣлалось плохо. Онъ сталъ думать, что-то со мной сдѣлаетъ нойда. Сталъ бояться, и безъ брата своего никуда не ходилъ. Куда братъ, туда и онъ въ слѣдъ за нимъ. Другому брату это стало на-доѣдать и онъ сталъ думать: какъ бы сдѣлать, чтобы онъ за мной не ходилъ. Разъ утромъ всталъ онъ и сказалъ брату: я пойду сегодня по ангасамъ (подобіе силья для промысла дикихъ оленей) одинъ и ворочусь скоро. Ты оставайся дома и перевяжи оленей на другое мѣсто: они подъ ногами около себя яголь—блѣлый мохъ—уже сѣли. Услыша это, поссорившійся съ нойдой братъ испугался. Однако онъ промолчалъ про ссору и подчинился волѣ брата. Тотъ ушолъ, а другой остался печальнымъ. Немного спустя къ нему пришелъ нойда или, подъ видомъ нойды, другой кто и сказалъ: пойдемъ бороться со мной: кто кого поборетъ, тотъ и правъ. Нойда былъ, нужно замѣтить, въ шапкѣ-невидимкѣ. Отошли они недалеко отъ вежи и начали бороться. Незнакомецъ сейчасъ же убилъ его. Отреѣзalъ послѣ этого нойда отъ убитаго на лѣвой рукѣ ми-зинецъ. Къ отреѣзанному мѣсту руки поставилъ трубку, дунулъ, и кожа вся сошла съ тѣла. Тѣло безъ кожи недалеко отнесъ, положилъ на землю, а съ кожею пошелъ дальше, чтобы не догналъ его братъ убитаго и не отомстилъ бы за смерть. Братъ возвратился къ вежѣ и увидѣлъ, что изъ вежи дымъ нейдетъ, а олени стоять на старомъ мѣстѣ. Подумалъ, что братъ не здоровъ. Зашелъ въ вежу, но брата нѣть, а дрова лежать все тѣ же, что и были. Ему стало не ловко. Вышелъ изъ вежи, вскричалъ, но отвѣта нѣть. Пошелъ далѣе и увидѣлъ двои слѣды. Сейчасъ и до-гадался, что былъ, значитъ, Чудоорчъ или нойда. Пошелъ послѣ этого, оленей от-пустилъ на вѣло всѣхъ, а себѣ оставилъ одного ирваса (нехолощенный олень—быкъ) хорошаго и собаку. Съ чими и пошелъ разыскивать брата. Время приходило къ зимѣ, и на землѣ было немного снѣгу. Слѣды поэтому онъ скоро нашелъ. Подѣхавъ не-много на оленѣ, онъ увидѣлъ покрытое землею тѣло человѣка безъ кожи и по величинѣ его заключилъ, что это его братъ. Съ поспѣшностью онъ обвернулъ тѣло въ бересто, вырылъ неглубокую яму и похоронилъ его. Слезы не проронилъ ни одной, оставилъ ихъ до удобнаго времени. Самъ послѣ этого сѣлъ въ кережу (подобіе корыта—замѣняетъ сани) и погналъ скорѣе впередъ по слѣдамъ за злодѣемъ. Не мало онъ перебѣхалъ рѣкъ и окружилъ озеръ, потому что ледъ былъ некрѣпокъ, но наконецъ таки передъ вечеромъ увидаль огонь. Сейчасъ онъ соскочилъ съ кережи, привязалъ ирваса къ лѣсинѣ, чтобы онъ не хрюкалъ, и самъ пошелъ посмотретьъ, кто сидитъ у огня и что дѣлаетъ. Зная однако, что собака можетъ залаять и тогда убийца брата можетъ уѣхжать, онъ надѣлъ ей на носъ шапку. Такъ принялъ онъ всѣ предосторож-ности, чтобы не выдать себя.

Подошелъ къ огню онъ съ собакой поближе и сталъ изъ-за лѣсинокъ смотрѣть. Огонекъ въ темнотѣ горѣлъ свѣтло. Подлѣ нойды въ сторонѣ лежала его одежда, а на немъ сверху надѣта была кожа брата. Въ ней онъ поворачивался къ огню и спиной, и брюхомъ, и боками, чтобы ее высушить. И вотъ когда она подсохла, онъ снялъ съ себя и сталъ складывать пластами. Лопарь—брать нѣсколько разъ въ это время прицѣливался выстрѣлить, но слезы не давали ему прямо навести на него пищаль. Нако-нецъ онъ осилилъ себя, выстрѣлилъ и попалъ въ Нойду. Тотъ однако вскричалъ: стрѣляй другой разъ. Нѣть меня не обманешь, ты хочешь еще встать, отвѣтилъ ему Лопарь. Для тебя, знаю, довольно и разу. Теперь пропадешь ты какъ собака. Шапка невидимка теперь тебѣ болѣе не поможетъ,—поэтому не хочу портить и пули. Сказавъ это, подошелъ къ нему, вырвалъ кожу брата изъ рукъ и пошелъ обратно. Тѣло нойды осталось на сѣденіе птицамъ и хищнымъ звѣрямъ.

Нужно еще замѣтить, что пойда всегда ходилъ за убѣгшымъ братомъ до смерти, и онъ его видѣлъ, но старшій не видѣлъ, потому что къ нему онъ не имѣлъ никакого отношенія. Невидимка же шапка пойду или Чудоорча скрывать можетъ, пока онъ не убьетъ человѣка. Послѣ онъ ее теряетъ, или она сама скроется отъ него.

(Записана со словъ Ефима и Васил. Летовыхъ и Макс. Оедотова).

7) Собачья сказка.—(Пеный майнасъ).

Въ былые времена жилъ стариkъ со старухою. Стариkъ былъ человѣкъ, какъ есть человѣкъ, а старуха была полчеловѣка, потому что одна половина была у нея человѣческая, а другая подобная звѣрю или, вѣрнѣе, собакѣ. Надъ старухой всѣ смѣялись заочно, а когда были вмѣстѣ съ нею, то боялись и уважали. Стариkъ умеръ раньше, и вскорѣ послѣ смерти его у нея родился сынъ на подобіе ея. Сынъ росъ не по годамъ, а по днямъ. И вотъ, когда онъ выросъ, изъ него сдѣлался хороший промышленникъ. Онъ ежедневно ходилъ на промыселъ звѣрей и никогда не возвращался безъ ничего. Мать любила его, но онъ захотѣлъ наконецъ жениться. Возвратясь разъ съ охоты, онъ сказалъ матери: «Ты стала стара, тебѣ тяжело; поэтому я хочу жениться. Ты найди мнѣ невѣсту».

Старуха по любви къ сыну согласилась на его просьбу и сказала: «Недалеко отъ насъ живетъ стариkъ со старухою. У него есть три дочери, и завтра я пойду сватать за тебя старшую. Они живутъ бѣдно и поэтому, полагаю, отдадутъ».

На другой день сынъ ушелъ въ лѣсъ, а мать пошла искать ему невѣсту.

Стариkъ съ семействомъ, увидя старуху, удивился ея приходу, потому что она никогда у нихъ не бывала. Старуха съ ними поздоровалась и, ее, какъ гостью, простили сѣсть.

Старуха поблагодарила ихъ и прибавила: «Ничего, я постою. У меня, дѣдушка есть до тебя просьба: не хочешь ли съ нами породниться? Меня послалъ сынъ и просилъ, чтобы твоя старшая дочь согласилась быть его женою. У насъ мяса довольно, ей будетъ хорошо».

Стариkъ поговорилъ съ дочерью, и та согласилась идти сей же со старухою. Она прибавила еще: «Насъ три сестры, и ждать мнѣ долго не слѣдъ». Простились она послѣ этого съ родителями и сестрами и пошла, какъ съ настоящею свекровью, къ своему мужу.

Пришли онѣ въ вежу,—старуха и говоритъ невѣсткѣ: «мужа твоего еще нѣть дома, онъ скоро придетъ. Ты пока ложись (указала ей въ одной сторонѣ мѣсто)—спи и не смотри, какъ я буду варить ужинъ. Не исполнишь этого, худо тебѣ будетъ».

Невѣстка, повидимому, послушалась. Сейчасъ легла она спать, а сама изрѣдка тихонько и смотритъ, что будетъ варить свекровь и какъ?

Она увидѣла, что свекровь стала варить мясо въ кожаномъ мѣшкѣ. Мѣшокъ, повѣшенный надъ огнемъ, вскорѣ, однако, потекъ. Старуха разсердилась и вскричала: «Говорила, не смотри, ты не послушалась, будь же ты теперь камнемъ». Не успѣла она этого сказать, какъ молодая окаменѣла, а въ вежу зашелъ сынъ и спрашивается: «гдѣ моя жена?»

— «Смотри вотъ тамъ». И указала на окаменѣвшую.

— Ну, это ничего, только завтра ты должна найти мнѣ жену. Начали снова варить и, когда готовъ былъ ужинъ, поужинали молча.

На слѣдующій день сынъ пошелъ въ лѣсъ, сказавъ матери: «Не забудь привести жену».

Мать послѣ него опять пошла къ старику и сказала ему: «дочери твоей на первыхъ порахъ скучно, потому что мужъ ходить въ лѣсъ. Дозволь идти въ гости къ ней другой сестрѣ».

Старикъ согласился, и другая дочь пошла со старухою.

Пришли въ вежу. Старуха сказала ей, что она будетъ не гостья, а жена ея сыну. Указала ей и на окаменѣвшую сестру, прибавивъ: «Не послушаешься меня, тоже будетъ и съ тобой».

Невѣстка легла спать и уснула. Къ несчастію своему, она скоро проснулась и увидѣла, что свекровь варитъ въ мѣшкѣ.

Старуха опять разсердила и вскричала то же, что и первой, и вторая сестра окаменѣла.

Пришелъ изъ лѣсу сынъ, спросилъ жену и мать указала на другую каменную человѣческую фигуру. Сынъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «Завтра должна быть у меня жена непремѣнно, а нѣтъ—прощайся и со мною».

Мать отвѣтила: «Эти были непослушны и потому въ жены тебѣ не годились. Завтра я приведу меньшую сестру: изъ нея быть можетъ и выйтѣть жена».

Молча они сварили, молча и поужинали. На третій день сынъ пошелъ въ лѣсъ сердитый.

Мать послѣ него сейчасъ пошла къ старику и стала просить его, чтобы онъ отпустилъ и меньшую сестру въ гости. Старикъ, не зная ничего, и послѣдней дочери дозволилъ идти. Пришла она со старухою въ вежу и увидѣла, что сестры ея окаменѣли. Она испугалась сперва, но старуха сказала: „Не бойся. Онѣ не слушались меня и сами себя къ этому приговорили. Будь послушна мнѣ, исполни что скажу, и тогда ты будешь не гостья, но жена моего сына“.

Старуха стала приготовляться варить ужинъ, а невѣстка легла спать и уснула крѣпко. Она не видѣла ничего. Старуха, наконецъ, услышавъ лай какъ-бы собаки, разбудила невѣстку и послала ее встрѣтить своего мужа, а ея сына. Вскорѣ оба они вошли въ вежу, поужинали и стали жить, какъ мужъ съ женой, любя другъ друга.

Вскорѣ у нихъ родился сынъ, очень похожій на отца. Оба они были рады, и мужъ сказалъ женѣ: Смотри, чтобы отъ сына нашего оленя постель подъ нимъ никогда не была мокра отъ его мочи. Сынъ росъ, какъ и отецъ, скоро. Мать слово мужа помнила, и все шло хорошо. Разъ, однако, сынъ помочился на постель, и ее положили сохнуть. Пришелъ мужъ и увидѣлъ это. Онъ спросилъ: кто это сдѣлалъ? Мать отвѣтила: сынъ. Услыша это, онъ сказалъ: Моего слова не исполнили, и поэтому я теперь отъ васъ уйду. Вы живите, какъ хотите. Сынъ сталъ также проситься идти съ отцемъ. Оня согласился взѧгъ и ихъ никакъ не могли отговорить ни мать, ни жена. Женщины остались дома и отъ нихъ послѣ родились дикие олени. Мать при прощаніи съ сыномъ, который разлучилъ ее съ мужемъ, сказала ему: черныхъ звѣрей бойтесь, а белыхъ вамъ нечего бояться. Не бойся также и гангасовъ (подобіе сила для дикихъ оленей), они дѣлаются для пользы людей и тебѣ не повредятъ. Отецъ съ сыномъ ушли, и болѣе обѣихъ не было никакого слуху.

(Записана со словъ Ефима Летова, Максима Федотова и Вас. Летова).

8) Пеыта олмашъ. Нагой человѣкъ — (Чакли варръ — лѣсная гора у Вакъ озера).

Жилъ былъ Лопарь Кондратій. Осеню онъ промышлялъ на Вакъ озерѣ рыбу. Разъ онъ ходилъ по Чакше варопѣ и нашелъ большую глубокую яму. Онъ подумалъ: вѣрно, нагой человѣкъ здѣсь живетъ. Развязалъ онъ у себя канги и снялъ ихъ съ

иогъ. Оборы (на подобіе ленточекъ; онъ ткутся Лопарями изъ разныхъ цветовъ шерсти длиною къ каждой ногѣ около 3 аршинъ: онъ къ одѣтымъ уже каньгамъ прикрепляются за петельку и послѣ кругомъ ноги обвертываются иѣсколько разъ до конца, чтобы каньга не спадала съ ноги) онъ связалъ вмѣстѣ и опустилъ одинъ конецъ въ яму, а другой привязалъ къ каньгамъ, которые оставилъ у ямы. Къ каньгамъ привязалъ еще веревку и самъ ушолъ не очень далеко въ сторону. Сперва еще у ямы онъ иѣсколько разъ сказалъ: кизамъ, кизамъ чулмамъ — верчу, верчу и узелъ свяжу. Чрезъ иѣсколько времени по оборамъ вышелъ изъ ямы нагой человѣкъ и сталъ одѣвать каньги. Кондратій въ это время выскочилъ и схватилъ его. Онъ сталъ проситься, чтобы его отпустилъ. Кондратій сталъ просить выкупъ. Онъ посулилъ и далъ вѣрное слово, что снова выйдетъ изъ ямы и принесетъ выкупъ. Кондратій отпустилъ его. Онъ вскорѣ вышелъ и принесъ ему полную тарелку серебряныхъ денегъ. Лопинъ взялъ и сказалъ: мало. Нагой человѣкъ принесъ ему и другой разъ столько же. Кондратій опять взялъ и сказалъ: маловато. Нагой человѣкъ болѣе ничего не сказалъ, а только покачалъ головою и ушелъ третій разъ. Вскорѣ принесъ ему ножикъ и вилку и отдалъ ихъ. Когда Кондратій это взялъ, онъ сказалъ: Не на долго тебѣ этого богатства, за чѣмъ ты много взялъ? Скоро твой родъ обѣднѣеть. Сказавъ это, ушелъ обратно. Кондратій самъ былъ богатъ, но родъ его постепенно дѣлался бѣднѣе и бѣднѣе.

(Записана со словъ Лопарей Василія Летова и Максима Федотова).

9) Коддъ ачка (Дикая старуха).

Очень давно жила-была одна старуха — нойда, колдунья. Ей наскучило быть въ человѣческомъ видѣ. Она захотѣла быть воженкой, оленемъ — самкой. Это съ ней и случилось. Долго ли, коротко ли она была оленемъ, этого вѣрно сказать нельзя. Наконецъ она сдѣлалась беременною и наступало время ей родить. Оборотясь оленемъ, она, однако, должно быть, думала иногда по человѣчески. Прѣль самыми родами она испугалась, что отъ нея родится олень, и желая избѣжать этого, опять обратилась въ женщину. Это ей однако не помогло. У нея родился не человѣкъ, а олень-быкъ. Какъ ни непріятно ей было, но все таки теленка она кормила своею грудью. Онъ у нея выросъ и сталъ даже возить дрова къ вежѣ, гдѣ она жила. Они другъ друга понимали. И вотъ когда онъ сталъ большой, захотѣлось ему на волью. Мать этому не препятствовала, только просила привести болѣе дровъ. Мать нарубила дровъ, а онъ притянулъ къ вежѣ. Онъ былъ сильный и сталъ пособлять ей и дровъ колоть. Такъ они заготовили дровъ довольно. Мать хотѣла дать ему еще при разставаніи груди, но онъ отказался, и только просилъ сказать, кто его отецъ: человѣкъ или олень? Мать на этотъ вопросъ отвѣтить не хотѣла. Видя это, онъ показалъ видъ, что еще хочетъ поколоть дровъ. Стали колоть толстую чурку. Когда у нея одинъ конецъ раскололся, тогда поставили клинъ въ щель. Сынъ послѣ этого и показываетъ матери, чтобы она поставила ногу въ щель, а онъ другимъ клиномъ будѣть колоть. Мать послушалась его, и положила ногу въ щель. Онъ вмѣсто того, чтобы поставить клинъ, взялъ изъ щели зубами и первый. Ногу у матери прижало и она отъ боли закричала. Скажи, кто отецъ у меня, и тогда пособлю тебѣ вытянуть ногу. Ей не хотѣлось открыть тайны, но наконецъ сказала: У тебя отецъ олень — ирвасъ. Послѣ этого вложилъ онъ въ щель клинъ, придавилъ ногами и мать была свободна. Онъ простился съ нею и ушелъ въ тундру — свое отчество.

(Записана со словъ М. Федотова).

— 104 —

10) Чадцъ иллій живущій въ водѣ.

На островѣ Шалимѣ (въ истокѣ Пазрѣцкаго залива) жили два Лопаря и оба они были хорошие промышленники. Однажды они ходили около морскаго берега и увидѣли почти у самаго берега: сидѣть женщина на камнѣ и чешетъ голову. Одинъ изъ Лопарей и сказалъ другому: я стрѣлю. Нѣтъ, не стрѣляй, это не человѣкъ, а чадцъ иллій — живущій въ водѣ. Онъ не послушался его и сталъ стрѣлять. Въ это время другой вскричалъ: «Берегись, женщина, въ тебя стрѣляютъ!» Она соскочила съ камня въ воду, недалеко она опять показалась на водѣ и вскричала: «Добрый человѣкъ, пожалѣвшій меня, приди завтра въ это время сюда; а ты, который хотѣлъ убить меня, гдѣ будешь пить воду, тутъ и утонешь».

«Не дикой же я, что пойду или побреду въ глубокое озеро или рѣку пить. Вольно тебѣ вратъ».

Послѣ этого, оба товарищи поспорили не много и разошлись для промысла звѣрей въ разныя стороны до вечера. Стрѣлявшій въ женщину пришелъ къ ручью, наклонился и сталъ пить ртомъ, свалился въ ручей и утонулъ. На другой день утромъ товарищъ пошелъ его искать, потому что онъ вечеромъ не явился на означенное мѣсто. Нашелъ его онъ въ ручѣ. Тѣло утонувшаго обернулось въ бересто и предалъ землѣ. Окончивъ это дѣло, онъ пошелъ на вчерашнее мѣсто, куда звала его женщина. На дорогѣ встрѣтилась черная лисица. Онъ убилъ ее, снялъ шкуру и съ нею пошелъ далѣе. Пришелъ къ морю и сталъ дожидаться женщины. Она вскорѣ вышла изъ воды и вскричала: Пришелъ ли ты, кого я звала?

— Здѣсь, отвѣтилъ онъ.

«Поди сюда къ берегу, сказала она».

Онъ подошелъ и получилъ отъ нея золота и серебра довольно и сталъ жить послѣ этого какъ кухманъ — купецъ.

(Записана со словъ Василія Летова).

11) Айнай сulo. Айновы острова — въ Ледовитомъ океанѣ противъ Земли наволока и становища Мало-нѣмецкаго.

Мы Лопари не были еще христіанами, а въ нашихъ погостахъ, въ Лапландіи дикихъ оленей почти не было, или было да очень мало. Въ Финляндіи и Норвегіи было очень много. Вотъ и стали наши старики думать, какъ бы сдѣлать, чтобы дикие были и на нашей землѣ. Въ это время жили въ Печеньгѣ, около становища Вайугубы, силачи — нойды три брата, и у нихъ была мать старуха — а гка. Братья, какъ нойды, знали все и умѣли пособить горю. Вотъ однажды они и сказали матери и своимъ пріятелямъ: Мы пойдемъ въ Норвегу и отрѣжемъ кусокъ земли, на которой бѣгаеть много дикихъ оленей, и приплывемъ сюда на этой землѣ со всѣмъ добромъ. Жизнь наша тогда пойдетъ богаче. Сказано, сдѣлано. Нойды отправились въ Норвегу. Мать старуха въ одну ночь спитъ и видитъ во снѣ, что ея дѣти возвращаются на норвежской землѣ съ оленями. Она вскочила какъ шальная, побѣжала изъ туши — избы на пахту (высокая каменная гора противъ Айновыхъ острововъ) смотрѣть, какъ дѣтки єдутъ съ добромъ. Старуха увидѣла: земли идетъ много и гулъ отъ хрюканья и бѣгу оленей раздается далеко, далеко. Съ радости она запѣла: Вотъ мои дѣтки єдутъ, вотъ они везутъ живота, везутъ оленей и важенокъ. И отъ радости еще вскричала: Не даромъ ихъ называютъ нойдами и силачами. Послѣ этого она сей-

часть же окаменѣла, окаменѣла и изба, и остатки отъ этого, говорять, можно видѣть на Земляномъ наволокѣ и понынѣ.

Земля, плывшая по океану, отъ словъ старухи разорвалась на два острова и остановилась. Въ промежуткахъ между ними дѣти и все добро потонуло. Айновы острова теперь славятся мурошкою. Говорять еще, что всѣ морскіе острова, на которыхъ растетъ мурошка, приведены нойдами изъ Норвегіи. Другое преданіе касательно Айновыхъ острововъ и Кильгина, сходное въ одномъ, противорѣчить не ѳли.

Въ Печеныгѣ и въ Колѣ въ это время, говорятъ, Препод. Трифонъ уже просвѣтилъ крещенiemъ многихъ Лопарей. Нойды, или Кебуны за это сердились на него, а также и на Лопарей, которые крестились. И вотъ на зло лопарскому Апостолу и крещеннымъ, они вздумали запереть Печенгскій и Кольскій заливы, и для этой цѣли поплыли на отдѣлившeйся землѣ къ заливамъ. Когда нойды подъѣзжали къ заливамъ, то ихъ замѣтили на берегу люди и закричали: земля идетъ, земля. Кричавшie окаменѣли, а земля остановилась, и образовались острова: Айновы и Кильгинъ.

(Записана со словъ В. Летова, а преданіе слышало отъ умершей 100 лѣтней дѣвицы Сусловой). Двѣ послѣднія были помѣщены въ «Голосѣ» за 1883 г.

12) Шапка невидимка.—(Къ каперь).

Нѣкогда жилъ-былъ царь и у него была дочь красавица. Онъ послалъ объявление по всей землѣ, кто достанетъ звѣзду съ неба, тотъ и получить въ замужество его дочь. Люди знатные, узнавъ объ этомъ, сперва удивились столь странному объявленію, полагая, что со временемъ царь уничтожить его. Не видя однако отмѣны приказа, не стали и думать о красавицѣ. Царское объявление дошло и до Лапландіи. Вотъ одинъ Лопарь и похвастался, что онъ можетъ достать звѣзду. Сказано—сдѣлано. Лопарь пошелъ по высокимъ тундрамъ и горамъ, чтобы оттуда достать звѣзду. Онъ перебывалъ на многихъ высокихъ тундрахъ и горахъ, но звѣзды достать не могъ. Когда приходилъ на высокую тундру, то ему представлялось, что съ другой болѣе высокой можно достать, но когда приходилъ туда, опять видѣлъ тоже. Такъ онъ ходилъ долго, и наконецъ потерялъ надежду, что можно достать звѣзду. Сталъ горевать, потому что въ объявлениіи сказано было еще, если кто скажетъ: достану, но не достанетъ, тотъ преданъ будетъ смерти. Горевалъ онъ немало времени, и хотѣлъ наконецъ лишить самъ себя жизни, какъ въ это время откуда не возьмись явился предъ нимъ незнакомецъ и сказалъ: «Что ты такой печальный, развѣ что потерялъ?»

«Какъ мнѣ не печалиться, когда самъ себя я за хвастовство приговорилъ къ смерти. Желая сдѣлаться счастливымъ, я сказалъ что достану съ неба звѣзду, думъ что можно это сдѣлать съ высокой горы, но между тѣмъ ошибся: сколько ни ^{идетъ} успѣха никакого не было. Теперь не только мнѣ не жениться на цѣ ^{рев.} и еще придется умереть».

Незнакомецъ сказалъ: «Не знаю, какъ пособить твоему горю. Впрочемъ счастья. Ты садись ко мнѣ на спину и держись крѣпче. Мы полетимъ въ ~~въ~~^{въ} небо, и ты только внизъ не смотри. Вотъ они и полетѣли, какъ птицы, къ облачамъ. Летѣли они долго; наконецъ Лопарь усталъ даже и держаться. Незнакомецъ въ это время и сказалъ: смотри вверхъ лучше. Онъ смотритъ и видитъ, что звѣзды у него подъ руками и все большія.

Ну, что видишь, спросилъ опять его незнакомецъ. Звѣзды у меня почти въ рукахъ, отвѣтилъ онъ. Возьми же одну скорѣе руками. Онъ сейчасъ взялъ звѣзду, сперва одною рукой, а послѣ и другою. Какъ-двумя то руками онъ взялъ звѣзду, незнакомца

вдругъ и не стало. Лопинъ остался у звѣзда висѣть и думаетъ: звѣзда у меня и въ рукахъ, но и съ ней опять горе. Вѣтеръ между тѣмъ его бросалъ со стороны на сторону, а онъ все таки отъ звѣзды не отступается. Наконецъ его оторвало вѣстѣ со звѣздой, и онъ полетѣлъ внизъ. Упалъ онъ съ высоты на мхъ и просѣлъ до половины туловища. Звѣзду онъ положилъ въ карманъ, а самъ сталъ стараться выйти изо мха. Съ большимъ трудомъ онъ освободился и тогда пошелъ искать дороги. Шелъ онъ немало времени, и наконецъ услыхалъ, что недалеко кричатъ люди. Онъ пошелъ туда и увидѣлъ, что между собою дерутся три человѣка. Подошелъ къ нимъ и сказалъ: «что вы за люди и о чёмъ спорите, чуть даже не деретесь».

— «Мы всѣ родные братья. У насъ нынѣ умеръ отецъ, и у него осталась одна шапка—капперъ. Вотъ ее то мы и не знаемъ, какъ раздѣлить. Каждому взять хочется, а другимъ-то ничего не останется. Очень сожалѣю, что вы изъ-за такой бездѣлицы спорите и даже чуть не деретесь».

— Да, легко тебѣ это говорить, когда ты не знаешь нашей шапки. Шапка-то не простая, а невидимка: кто одѣнетъ ее, того никто не увидитъ, что бы онъ ни дѣлалъ. Эта шапка лучше всячаго богатства».

— «Нельзя ли посмотреть мнѣ, покажите пожалуйста, я вамъ буду очень благодаренъ».

Они согласились и принесли.

Онъ взялъ въ руки и сталъ рассматривать. Да, шапка дѣйствительно хороша, и сталъ поднимать себѣ на голову. Братья, видя это, сейчасъ сказали: нѣтъ не одѣвай себѣ, мы тебя не увидимъ.

«Ничего, не надолго можно примѣрить. Правду ли вы еще говорите, стоять ли и спору-то. Я только удостовѣрюсь въ справедливости вашихъ словъ и возвращу вамъ».

Не успѣлъ онъ одѣться, какъ его пререстали видѣть, и онъ пошелъ далѣе путемъ-дорогою.

Братья послѣ этого еще болѣе заспорили, но наконецъ сказали: «Шапки теперь нѣтъ, перестанемъ же и спорить, потому что изъ троихъ изъ насъ теперь никому не завидно. Будемъ лучше жить по прежнему, согласно, и поблагодаримъ незнакомца, что онъ избавилъ насъ отъ непріятности. Быть можетъ, во время спора мы бы убили еще одинъ другого».

Лопинъ въ шапкѣ-невидимкѣ шелъ себѣ къ царю и никого не боялся. Зналъ теперь, что у него никто не отниметъ и звѣзды. Вдругъ онъ опять услышалъ крикъ и пошелъ посмотретьъ. Когда сталъ приближаться къ людямъ, шапку снялъ. Теперь онъ увидѣлъ, что дерутся три человѣка. Онъ опять спросилъ ихъ: «что вы за люди и зачѣмъ обижаете одинъ другого»?

— «Мы братья. У насъ былъ отецъ и теперь умеръ. У него остались одни только каньги *),—каммай, но каньги только непростые. если ихъ поворотишь на лѣвую сторону, то они сами идутъ, или вѣрнѣе несугъ на себѣ человѣка».

— «Нельзя ли мнѣ ихъ посмотретьъ?» Братья принесли и стали показывать.

Лопинъ разматривалъ ихъ внимательно и хвалилъ. Они будучи польщены его губами, дали ему и помѣрить. Лишь только онъ одѣль ихъ, какъ въ то же время нойда, себя шапку и пошелъ отъ нихъ далѣе съ благодарностью за простоту.

Свѣршивъ еще споры между собою, но наконецъ и они помирились, подобно первымъ. Аль усыпальницѣ теперь продолжалъ свой путь очень скоро, и чрезъ нѣсколько времени три человѣка. Онъ спросилъ ихъ: о чёмъ вы спорите и что дѣлите между собою?

Мы сѣстья и сейчасъ похоронили отца своего. Денегъ и имущества у него не осталось никакого. Остался у него только одинъ посохъ, — собѣ; посохъ этотъ непростой: если рукоятью поставить въ землю во время войны, тогда на той сторонѣ, где находится посохъ, не убьютъ ни одного человѣка, а непріятели всѣ умрутъ отъ моровой язвы. Онъ попросилъ посмотреть и, какъ только взялъ въ руки, сейчасъ же рукоятью поставилъ въ землю, и братья умерли. Онъ положилъ ихъ въ землю и пошелъ въ веселомъ расположении духа къ царю. Шелъ,

шелъ и дошелъ до большого красиваго дома, окруженнаго со всѣхъ сторонъ полями и садами. Онъ сталъ ходить около дома, въ надеждѣ не увидеть ли кого. Къ сожалѣнію, людей не видѣлъ, а видѣлъ только, что летаютъ разныя птицы, и гуляютъ по саду. Передъ вечеромъ пошелъ онъ въ домъ и, лишь только отворилъ двери, сей-часъ увидѣлъ толстую женщину. Она, увидавъ его, сказала: «вотъ мнѣ теперь будетъ праздникъ, хорошее мясо само пришло ко мнѣ».

— «Нѣтъ, любезная! на мое мясо лучше не надѣйся. Я уже хожу много, много времени, и у меня остались только кость да жилы. Будь лучше добра, и помоги моему горю: скажи, въ которой сторонѣ живетъ царь съ красавицею-дѣвицею».

— «Вотъ этого-то я уже не знаю. Сижу постоянно дома и мнѣ во всемъ помогаютъ птицы. Спрошу у нихъ». — Вышла она въ садъ, и птицы по ея знаку всѣ прилетѣли къ ней. Она спросила ихъ: гдѣ живетъ царь и красавица дѣвица. Птицы отвѣчали что не знаютъ, и прибавили, что нужно спросить у самой большой птицы — Куддалвъ, которая носить людей. Она, быть можетъ, и знаетъ. Явилась наконецъ и эта птица, спросили у нея, но она не отвѣтила ничего. Хозяйка, видя ее упрямство, стала бить и такъ какъ она молчала, взяла ее въ избу и бросила на печь. Птицу ожидала тутъ настоящая смерть, и она сказала: отпустите меня съ печи, я скажу. Ее взяли оттуда и хозяйка сейчасъ же велѣла ей отнести Лопина къ царскому дворцу. Лопинъ поблагодарилъ хозяйку и сѣлъ на птицу. Птица поднялась wysoko и понесла его чрезъ рѣки, озера и моря. Летѣла она долго, наконецъ захотѣла ъсть, сказала Лопину: брось на море платокъ и кусокъ сѣры. Лопинъ бросилъ, и образовался островъ — Сулло. Здѣсь они отдохнули и закусили. На другой день опять утромъ рано полетѣли они и передъ вечеромъ увидѣли стадо коровъ. Птица опустила Лопина на землю, указала ему дорогу къ царю, а сама схватила быка и полетѣла съ нимъ обратно. Лопинъ вскорѣ пришелъ къ царскому дворцу, надѣль невидимку — шапку и пошелъ во дворецъ. Здѣсь онъ увидѣлъ много людей, ходилъ за ними и рассматривалъ вездѣ и все. Наконецъ прошелъ онъ въ комнату къ царской дочери. Она сидѣла и шила себѣ хорошее платье. Въ это время она попросила у служанки пить. Та принесла, а Лопинъ отрѣзалъ отъ звѣзды кусокъ и положилъ въ чашку, когда мимо него несли.

Царевна, взявъ въ руки чашку, увидѣла, что въ водѣ плаваетъ звѣзда. Она изумилась и поставила питье въ сторону. Попросила другую чашку, но и съ этой Лопинъ сдѣлалъ то же. Царевна опять пить не стала и задумалась. Думала, думала и наконецъ сказала: «кто здѣсь есть изъ постороннихъ, пусть покажется, наказанія не будетъ». Лопинъ снялъ шапку, и она его увидѣла. «Кто ты такой и за чѣмъ сюда пришелъ, расскажи подробно».

Лопинъ рассказалъ о себѣ все сначала до конца и спросилъ, гдѣ царь? мнѣ нужно явиться и къ нему.

Царевна сказала: «Къ сожалѣнію, его нѣтъ. Онъ уѣхалъ на войну, откуда и получены сегодня извѣстія, что войска его всѣ разбиты. Едвали онъ живъ теперь и самъ, прибавила она съ слезами на глазахъ».

Спросилъ онъ еще, въ которой сторонѣ война, и узнавъ, сказалъ, что пойдетъ на войну. Увижу я тамъ самъ, такъ ли дѣла плохи и не могу ли пособить.

Царевна стала его уговаривать и упрашивать, говоря, что теперь у ней надежда на него. Наконецъ, убѣдившись, что онъ не останется, стала и сама проситься съ нимъ. «Онъ уговаривалъ ее остататься и сказалъ: если я пойду, то возврашусь скоро, да и царь возвратится, а если нѣтъ, то съ нимъ можетъ случиться дѣйствительно несчастіе. Царевна наконецъ осталась, а онъ въ своихъ каныгахъ сейчасъ же явился на войну. Лишь только онъ поровнялся съ царемъ, какъ сейчасъ же посохъ поставилъ рукоятью въ землю.

По непріятелю немедленно прошла моровая язва и войска всѣ умерли. Царь, стоявший на колѣняхъ, прослезился и возблагодарилъ Бога за спасеніе, и сталъ собираться къ отѣѣзу во свояси.

Лопинъ, видя, что война кончилась счастливо, въ своихъ каныгахъ поспѣшилъ къ царевнѣ, чтобы передать о случившемся. Пришелъ онъ во дворецъ и рассказалъ, какъ и отчего погибъ непріятель. Она поблагодарила его, и стали дожидать возвращенія царя. И вотъ, когда пронеслась вѣсть, что царь возвращается съ побѣдой, царевна и Лопинъ вышли его встрѣтить. Царь не успѣлъ еще увидѣть у царевны звѣзды, какъ она и Лопинъ стали просить благословенія на бракъ. Царь на радостяхъ сейчасъ же благословилъ ихъ и далъ ширь на славу всѣмъ. Новобрачные стали жить да Бога славить. Вотъ и сказка вся.

(Записана со словъ М. Федотова).

Свящ. К. К. Щеколдинъ.

Прим. Въ поченномъ труде г. Н. Харузина Русскіе Лопари очерки прошлаго и современнаго быта. М. 1890. Стр. 462—470—помѣщены пять сказокъ, изъ коихъ четыре были сообщены О. К. Щеколдинымъ: 1) О царскомъ сынѣ, 2) Игрунь-смѣльчакъ сынъ, 3) Московскій воръ, 4) что бываетъ съ скучными на томъ свѣтѣ.—См. также Островскій Д. Н. Лопари и ихъ преданія. Изв. И. Р. Геогр. О. 1889. Вып. IV. Стр. 316—333.